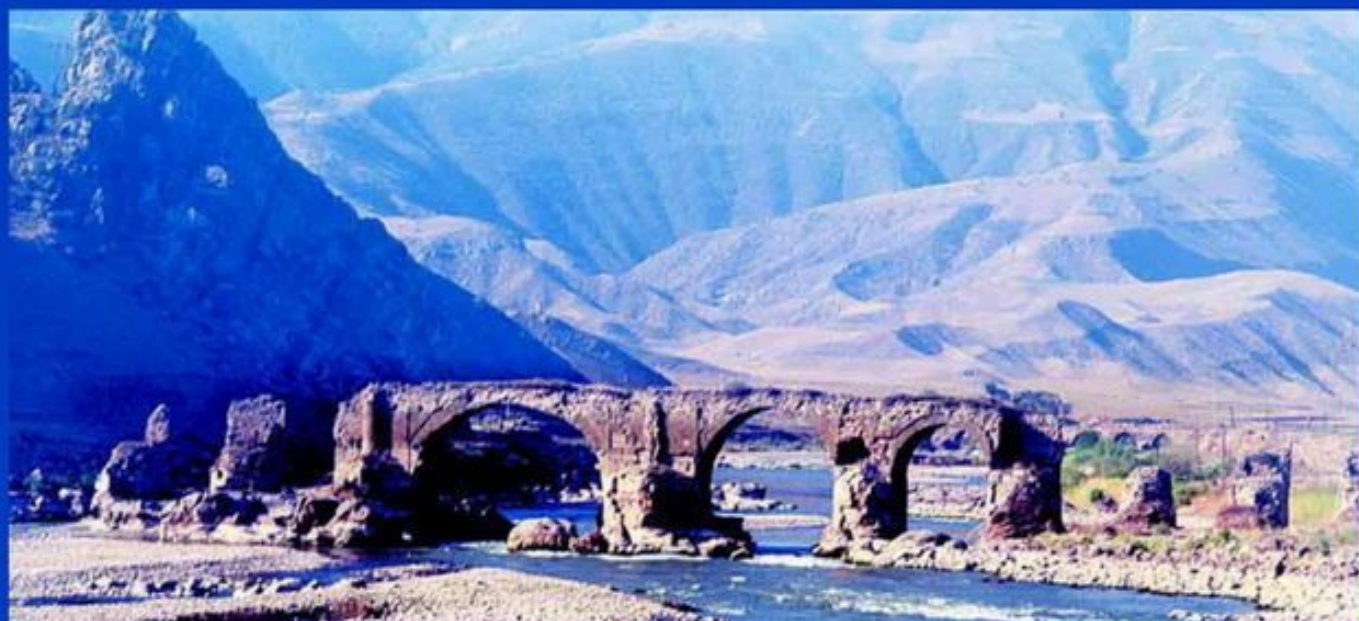

18+

Фарид Рауф

МОСТ НАД БУРНЫМИ ВОДАМИ

Сборник рассказов

Фарид Рауф

**Мост над бурными водами.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Рауф Ф.

Мост над бурными водами. Сборник рассказов / Ф. Рауф —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512766-2

Данный сборник рассказов содержит истории про Баку и бакинцев в бурные и смутные 1990-е годы — время радикальных перемен, которые оставили неизгладимый след в жизни многих жителей бывшего Советского Союза.

ISBN 978-5-00-512766-2

© Рауф Ф.
© Издательские решения

Содержание

ОТ АВТОРА	6
ЛАПКИ ГУСЕЙНА	7
ЧЁРНЫЙ ТЮЛЬПАН	14
«А»	14
«В»	15
«С»	16
«А»	17
«В»	19
«С»	20
«А»	21
«В»	23
«С»	24
ЭПИЛОГ	25
«ОДНАЖДЫ В АМЕРИКЕ» В БАКУ	26
1986	26
1989	29
ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Мост над бурными водами

Сборник рассказов

Фарид Рауф

Корректор М. А. Иванова

© Фарид Рауф, 2020

ISBN 978-5-0051-2766-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МОСТ НАД БУРНЫМИ ВОДАМИ

Сборник рассказов

ФАРИД РАУФ

Данный сборник рассказов содержит истории про Баку и бакинцев в бурные и смутные 1990-е годы – время радикальных перемен, которые оставили неизгладимый след в жизни многих жителей бывшего Советского Союза.

КОРРЕКТОР: М. А. ИВАНОВА

ОТ АВТОРА

Перед читателями сборник рассказов о Баку и бакинцах, охватывающий период примерно с середины так называемой перестройки конца 1980-х годов до начала третьего тысячелетия. Рассказы были написаны в период между 1993 и 2002 годами, с некоторыми корректировками в поздний период. Некоторые из них были напечатаны на машинке, до эры компьютеров. Это было смутное время, характеризующее почти все страны бывшего Советского Союза. Многое, что описано, уже исчезло и растворилось во времени, в том числе и проблемы, описанные в рассказах. Азербайджан из страны с разрушенной экономикой в начале 1990-х годов превратился в одного из региональных лидеров. Однако десятилетие революций, конфликтов, социальных и культурных метаморфоз оставило неизгладимый след в жизни людей, которые прошли через это трудное время. Об этом и данный сборник рассказов.

ЛАПКИ ГУСЕЙНА

На карамельной фабрике произошло ЧП. Точнее, всё началось с ошибки на бумажной фабрике. Получив заказ на производство обёрточной бумаги для конфет «Гусиные лапки», фабрика в результате ошибки наборщика выпустила конфетную бумагу с названием «Лапки Гусейна». И, возможно, никаких последствий не было бы, если бы директора карамельной фабрики по чистой случайности не звали Гусейн – Гусейн Ибрагимович Халилов.

Начальник районного отделения милиции, мало разбиравшийся в тонкостях бисквитно-карамельного дела, понял одно – директор фабрики начал выпуск конфет в честь себя. Он позвонил ему и, спросив весёлым голосом о его делах, попросил поднять его «долю». Дела у директора идут так хорошо, что он уже стал выпускать конфеты в свою честь.

Вот тут Гусейн Ибрагимович зашевелился. Ошибка прямо отражалась на его кармане. Через некоторое время позвонили из министерства и попросили также увеличить ставку. Не за горами был звонок из прокуратуры, налоговой инспекции, пожарной охраны, санитарной инспекции с аналогичными просьбами.

Гусейн Ибрагимович вызвал к себе главного инженера Максуда Векилова. Последний явился к нему с портретом нового министра лёгкой и пищевой промышленности. Перед тем, как начать разговор, директор велел произвести смену власти у него над головой. Покончив с этим делом, главному инженеру пришлось выслушать брань директора по поводу досадной ошибки на обёрточной бумаге. Он попытался робко возразить:

– Ошибка произошла не на нашей фабрике. Это – первое. Второе – конфеты уже поступили широкой партией в продажу...

– Надо их взять обратно! – взревел директор.

– Шесть тонн?!

– Я поговорю с начальником торга. Он мой приятель...

– Да вот время не то. Плановую экономику, Гусейн Ибрагимович, сменила рыночная. Теперь товар реализуем разными путями. А вообще, название-то неплохое – «Лапки Гусейна» – красиво даже, романтично...

– Как это ты сказал? Романти... Мне без этого всё это выйдет в копеечку! Конечно, если бы не это слово «лапки», то... второе слово звучит неплохо. А? В принципе мне пришла в голову мысль, что неплохо бы... назвать конфеты именем... например, «Сабина», в честь моей дочери. Об этом надо будет подумать. А?

– Обязательно, – подхватил главный инженер. Он расхваливал и эту идею, и имя.

Лесть была приятна Гусейну Ибрагимовичу. Так он компенсировал ту лесть, изливаемую им самим в адрес уже своих начальников. Всюду должен быть порядок. Разве плохо было в советское время? Был порядок... Надежда есть, что всё восстановится, пускай хоть под фасадом демократии, фашизма или сталинизма или ещё чёрт знает чего. Главное – дать людям возможность зарабатывать деньги способом, какой принят у нас. И почёт был, и уважение – «hörmət»¹, как говорится...

– Теперь перейдём к делу. Как там моё малое предприятие?

– Завтра принесу выручку. Вот только с сахаром проблемы.

– Срежь с линии. – Это означало, что конфеты, выпускаемые на государственном заводе, станут содержать меньше сахара. Хорошо для диабетиков. Забота о здоровье населения, прежде всего.

¹ Уважение (азерб.).

– Вчера я был в городе, – сказал директор. Там у нас в центре города есть небольшое ведомственное здание. Так вот, там есть клёвый подвал, как раз для магазина. Проблема в том, что там кто-то проживает.

– Да, там живёт наш работник – мой помощник Лятиф Аббасов. Он со времён царя Гороха ожидает очереди. Только вот напрасно. Квартир уже не будет. Время не то...

– Прекрасное время было, вот и кончилось. Теперь кто будет бесплатно раздавать квартиры. Советская власть им не нравилась, понимаете ли! Жили при коммунизме, а не знали этого. Все жаловались, что мясо по талонам... Короче, его надо оттуда выселить. Временно разместить у нас тут, на территории завода. Мы имеем два подсобных помещения. Скажешь этому инженеру, что эту площадь Баксовет у нас отнимает. Кстати, возможно, что через год Баксовет выделит нам пару квартир. Обещай ему, что как только, так сразу... Понял? Получит новую хорошую квартиру в панельном доме вместо этого вонючего, сырого подвала...

Главный инженер тяжело вздохнул. Предстоял нелёгкий разговор. Успокаивала в этом деле только робость этого несчастного инженера Лятифа Аббасова. Он не умел бороться за жизнь под солнцем.

Его время было советское. Защита государства, социальная обеспеченность. Оплата интеллектуального труда в 140 рублей – мало, но на колбасу хватало. Теперь джунгли, человек человеку волк. Оскал капитализма, притом дикого, образца девятнадцатого века... И чего это понеслись фразы с коммунистического митинга в Москве?

Главный инженер жалел своего помощника, давал ему иногда «халтуру», чтобы «подзаработать» – семью содержать. Лятиф же зарабатывал тем, что, будучи грамотным инженером, умел хорошо делать чертежи и «рисовал» курсовые работы и дипломные проекты для оболтусов-студентов, обучающихся в институтах за взятки.

Лятиф Аббасов вошёл в кабинет тихо и присел. Максуд не знал, с чего начать разговор.

– Лятиф, мы скоро должны получить несколько квартир из городского фонда. Есть решение предоставить одну из квартир тебе.

У Лятифа радостно загорелись глаза. Этого не может быть!

– Кого и как я могу благодарить, – запричитал Лятиф.

– Не стоит благодарностей. Ты это заслужил. Директор о тебе высокого мнения. Возможно, мы тебе за счёт завода сделаем ремонт в новой квартире. А то знаешь? У нас вселился, и надо делать ремонт. Дом будет в Гюняшлях. Далековато, но зато нормальная квартира.

Лятиф ничего не сказал. Конечно, подумал он, плохо, что далеко от центра города. Он привык там жить. Но что поделаешь, будет хоть нормальная квартира.

– Твой «крысятник» тебе уже надоел, наверное? – спросил Максуд. – Так вот, мы решили временно разместить тебя у нас на фабрике... Ты знаешь... У нас есть пара домиков. Там же... живут люди. Так вот, твой «крысятник» у нас Баксовет отбирает. Что-то там по санитарным нормам, не знаю... Ты переезжай. Мы тебе машину выделим.

Только после этих слов Максуд взглянул в лицо инженеру. Помощник сидел слегка поникший, пытаясь переварить сразу все новости.

Максуд ободряюще кинул:

– Поздравлять заранее не буду. Но думаю – давай выпьем сегодня. Приходи ко мне. Посмотрим «видик». Мне новую кассету дали. Хороший американский триллер.

После ухода Лятифа Максуд вызвал начальника третьего цеха, племянника директора. Тому поручались особо важные дела. Организация выселения и вселения инженера была возложена на него.

Вечером Максуд взял Лятифа к себе домой. По дороге он заглянул в кондитерский магазин купить детям каких-нибудь сладостей. Проходя мимо прилавка, взгляд Максуда остановился на конфетах... Он пригляделся – это были конфеты «Лапки Гусейна». Максуд улыбнулся

и... вдруг! Неизвестно почему, но ему померещилось, что на прилавке лежат сотни маленьких пальчиков.

«Меньше смотреть надо эти идиотские американские триллеры, – подумал Максуд. – Нервы пошаливают».

Дома его сразу окружили трое детей и, схватив торт, умчались на кухню. Оттуда выглянула его растолстевшая жена, поприветствовала Лятифа и пригласила в гостиную.

Максуд вошёл в комнату, и на душе у него почему-то стало тоскливо. Всё в комнате, казалось, вторит его настроению. Натюрморт на стене будто увял, абажур торшера поплёк... Так всё увядало. Главное – молодость. Давно её нет.

«Наверное, к 45—50 надо что-то поменять в жизни», – подумал Максуд. Съездить куда-нибудь надолго, завести любовницу... Что-то надо делать – внести новое в серую обыденность рутинной жизни.

Жена принесла чаю. На столе лежали... Максуд пригляделся... Нет, это были настоящие конфеты «Гусиные лапки».

– Что, у нас других конфет нет, что ты ставишь на стол конфеты с нашей фабрики? И на работе, и дома, – пожаловался жене Максуд.

– Это же спецпартия, вкуснее, чем импортные.

Позвонили в дверь. Зашёл сосед Халил – участковый полицейский, приятель Максуда. Все сели смотреть триллер. Перед тем, как вставить кассету в магнитофон, жена информировала Максуда:

– Сегодня опять дети что-то нехорошее по видео смотрели. Его надо запирать в шкафу в наше отсутствие. Отвлекает он их от уроков и, вообще, развращает сознание.

Участковый утвердительно закивал головой.

– Безобразие творится на улицах, – продолжала жена. – В кинотеатрах и видеосалонах крутят чёрт знает что... Это замечание Халил принял в свой адрес:

– А что можно поделать? Демократия.

Он не сказал, что от этой «демократии» у него слегка повысились доходы. Так беззащитно воровать в советское время не давали. Теперь – демократия, всё можно.

– Насмотрится кто-нибудь с неустойчивой психикой таких фильмов и пойдёт убивать или насиловать, – заводилась жена.

– У нас с этим, слава богу, хорошо – «мусульманчылыг»². И главное, мы, участковые, сразу берём на примету подозрительных личностей. Я знаю, например, кто у меня на участке может заниматься карманным или квартирным воровством. Раскрываемость преступлений у нас хорошая.

– А что если псих-одиночка? – не успокаивалась жена. – Сейчас так много стрессов.

Халил не знал слово «стресс», но догадался, что это как-то связано с демократией, и поэтому озабоченно кинул: – Да, вот это трудно расследовать.

Максуд нажал на «старт», и все четверо стали смотреть американский триллер о том, как один маньяк после тяжёлого детства, с многочисленными «фрейдовскими комплексами», в один «прекрасный» день решил снимать скальпы с людей и отправлять их по почте полиции.

На следующее утро директор вызвал Максуда и мрачно сообщил:

– У меня опять трения с Мамед-агой.

Последний был родственником Гусейна Ибрагимовича и одновременно его злейшим врагом. Возможно, именно родственные отношения обостряли вражду, основанную на соперничестве, – кто выше прыгнет, кто дороже купит. Год назад, используя чехарду властей или хаос власти – кому как нравится, Гусейн Ибрагимович подстроил против Мамед-аги «дело», после которого тот лишился своей должности. Теперь тот старался мстить.

² «Мусульманчылыг» (азерб.) – буквально означает «мусульманство»; в переносном смысле «традиции».

– Вчера вечером, где-то около восьми часов, группа хулиганов учинила дебош в моём кафе на Яссамалах³. Это точно дело рук Мамед-аги. Он решил встать на путь криминала. Такого не было...

«Уговору», – хотел добавить Максуд, но сдержался. Неизвестно, какая последует реакция. Директор не в духе.

– Я вот сейчас подумал, что это дело с конфетами тоже им подстроено.

– Мне кажется, что наборщик был просто бухой...

– Просто даже кошки... Надо всё досконально выяснить.

Главный инженер возвратился к себе в кабинет. Помощника ещё не было. Обычно он не опаздывает. Наверное, переезд задержал его.

Максуд взял директорский «газон» и велел ехать в кафе на Яссамалах. Войдя, Максуд опытным взглядом сразу оценил величину ущерба. В голове замелькали цифры, счета, акты о списании. Дело в том, что это кафе числилось на балансе карамельного завода в качестве малого предприятия по выпуску пирожков.

В зале сидели двое полицейских. Перед ними был накрыт за счёт кафе стол, и они спокойно завтракали.

– Кого-нибудь задержали? – осведомился Максуд.

– Нет. Мне Гусейн-муаллим звонил. Он дал наводку на Мамед-агу. Увы! Улик нет. А без улики к такому человеку, как Мамед-ага, я подступиться не могу. Вообще, может, это действительно просто хулиганы...

Максуду ничего не оставалось сделать, как покинуть кафе. Он обошёл несколько «точек», принадлежавших Гусейну Ибрагимовичу, и собрал выручку. По возвращении на фабрику он застал у себя в кабинете инспектора из министерства финансов.

– Я слышал, – начал тот, – что вы начали на заводе выпуск конфет в честь директора. Что ж, уважение и любовь к начальству – необходимая вещь. Это идёт в ногу со временем. – Далее инспектор стал говорить о тяжёлой экономической ситуации в стране.

Максуд внимательно слушал его. С ухудшением экономической ситуации ухудшалось и благосостояние инспектора. Посреди излияний инспектора Максуд протянул тому конверт с деньгами. На этом инспектор быстро завершил анализ социально-экономического развития страны и, спросив о здоровье детей, удалился.

После него появился Лятиф Аббасов.

– Как твой переезд? – спросил Максуд.

– Нормально, – сухо ответил помощник.

– Это всё временно. Скоро получишь хату как надо.

Помощник промолчал.

– Как там наша новая линия?

– Через месяц будет готова.

– Давай поднажми. Директор обещал хорошие премиальные. – В этот момент по селектору его вызвал к себе в кабинет директор. Гусейн Ибрагимович сидел в кресле, засучив рукава. На левой руке блестели часы.

– Rolex, – пояснил директор. – Настоящие, позолоченные.

Максуд уставился на часы.

– Ну, как там кафе?

– Полиция не берётся за дело.

– Надо их хорошо подогреть.

– Зачем? Это будет стоить много дороже ущерба. Ведь дело о Мамед-аге стоит дорого.

– Я сказал – надо. Надо, значит, надо. Много ты обсуждаешь мои слова. А много сломали?

³ Район города Баку.

- Тысяч на пять баксов.
- О!!! Эта сволочь разорит меня! Ты бабки собрал?
- Да.
- Отдашь моему племяннику.

Утром следующего дня на фабрике был переполох. Максуд увидел шесть полицейских «тачек» у входа в административное здание завода.

«Всё! Приехали! – подумал Максуд. – Нас накрыли». Он вбежал в кабинет Гусейна Ибрагимовича.

Тучный майор тербил свой огромный галстук, предохранявший его от воспаления лёгких. Пуговицы едва сдерживали натиск центробежных сил створок рубашки. Максуд вопросительно взглянул на директора.

– Моего племянника убили, – еле выдавил Гусейн Ибрагимович. Майор спокойно произнёс:

– Произошло зверское убийство. Нам нужно опросить всех работников завода.

Когда Максуд и директор остались наедине, Гусейн Ибрагимович спросил:

– Ты вчера ему деньги передал?

– Да, в девять вечера.

– Где?

– У себя в кабинете. А где его убили?

– В цеху... Ты, давай, иди и организуй доставку денег домой... Тьфу! Доставку тела из морга домой. Полиция забрала его тело на экспертизу.

Максуд пошёл в цех. Там сновали полицейские. К нему подошёл молодой старший лейтенант.

– Джафаров, – представился он. – У меня к Вам несколько вопросов. Когда Вы видели покойного в последний раз?

– В шесть вечера. В конце рабочего дня.

– У него были враги?

– Я не знаю.

– А Вы когда ушли с работы?

– Я?... Поздно, не помню, в восемь – девять.

– И Вы его не видели после шести?

– Я сидел у себя в кабинете. Вы что, меня подозреваете?!

– Я восстанавливаю картину вчерашнего преступления. Точнее, пытаюсь это сделать, если мне все помогут.

Максуд кивнул. Лейтенант выглядел вполне хватким и умным. «Очевидно, – подумал Максуд, – этот лейтенант за всех работает. А основную долю берёт майор».

– Интересный факт, что отсутствуют следы борьбы. Очевидно, убитый хорошо знал убийцу. Тот спокойно несколько раз ударил того киянкой по голове. А позже... расчленил жертву. Отсёк тому руки.

– Что-о-о-о-о?!?!

– Убийца не забрал денег. Странно! Кроме того, убийца хорошо знал расположение завода. Мне кажется, что убийца кто-то из ваших работников.

Максуд не знал, что сказать.

– Предварительный опрос показал, что на территории завода после рабочего дня остался сторож, мастер второго цеха Абдуллаев и Ваш помощник – последние оба живут в подсобных помещениях на заводе.

– Да, ждут очереди на квартиру.

– Я забыл сказать, что Вы тоже остались после шести.

– Я? Да, оставался. Вы что, меня подозреваете? – опять спросил Максуд.

Старший лейтенант оставил последние его слова без внимания. Максуд занервничал. Он не сообщил первоначально, что говорил с убитым за полчаса до убийства у себя в кабинете. А теперь было поздно что-то исправлять. Может, сторож видел, как тот входил к нему в кабинет.

Следователь стал расспрашивать о хозяйственных делах. Попросил документацию. Ситуация ухудшалась. Максуд ещё больше занервничал. Он вышел в коридор и не заметил, как выкурил подряд пять сигарет.

После обеденного перерыва к нему опять подошёл старший лейтенант Джафаров.

– Я тут проверяю различные версии, в частности, как мне стало известно, возможную причастность родственника директора завода, известного как Мамед-аги, к убийству. Оказывается, у вас на фабрике работает его родственница.

– Она одновременно и, в первую очередь, родственница Гусейна Ибрагимовича. Как Вы отметили, Мамед-ага и Гусейн Ибрагимович – родственники.

– Её на работу Вы брали?

– Я взял кучу народу. А её, естественно, по поручению директора. Потом... не похоже девушка на убийцу, притом убийцу-садиста.

– У всех у нас святые лица.

Максуд почти паниковал. Почему следователь так говорит? Может, тот подозревает его в сговоре с Мамед-агой? Этот старший лейтенант мог посеять зёрна вражды между ним и директором. Последний вполне мог поверить в его сговор с Мамед-агой, ибо философия директора основывалась на принципе «всё и всех можно купить».

Домой Максуд пришёл полностью опустошённый. Он сразу кинулся на кровать. Жена принесла чаю. Он рассказал ей о случившемся.

– Мои слова подтвердились, – сказала она. – Где это видано, чтобы у нас людей убивали, а потом расчленили тело! Он ему руки отрезал?! Какой ужас! Я вот вчера только говорила...

– Накаркала! Меньше болтать надо!

– ...Никогда не поверю. У нас так не убивают. Застрелят или пырнут ножом. А тут почерк маньяка.

– Из тебя прекрасный следователь выйдет.

– Уж вышел бы, если бы не дом и дети. Я точно говорю – работа психа-одиночки...

– Тлетворное влияние Запада.., – устало выдавил Максуд и провалился в сон.

Утром рано, приняв пачку успокоительных лекарств, Максуд отправился на работу. Полицейских было ещё больше. Вахтер, как только вошёл Максуд, сообщил:

– Гусейн Ибрагимович убит.

Максуд не помнил, как очутился в кабинете директора. На этот раз там сидели полицейские чины постарше.

– Главный инженер Векилов? – осведомился один из полковников.

– Да.

– Садитесь, предстоит долгий разговор.

Следователи стали подробно расспрашивать о хозяйственном положении завода. Все старались найти причину в денежных махинациях. Потом перешли к самому убийству.

– Халилова я видел в шесть вечера, перед уходом домой, – сообщил Максуд. Он первый раз не назвал директора по имени и отчеству. – А как его убили?

– Тело лежит в варочном цеху. Мы приехали двадцать минут назад. Медэксперты там. Можете на месте ознакомиться.

На месте к нему подошёл старший лейтенант Джафаров и сообщил подробности:

– Убийца, как и в прошлый раз, нанёс несколько сильных ударов киянкой по голове. Позже добил. Отрезал руки... Тот же почерк. Опять никаких следов борьбы.

Максуд молчал.

– Я хотел спросить Вас о Вашем помощнике Лятифе Аббасове...

– Что? Лятиф?! Он и мухи не обидит!

Джафаров продолжал:

– Моё начальство ищет мотив... Они думают, что причина в «бабках». Я так не думаю. Такое зверское убийство могло быть совершено на почве мести, например. Поэтому я возвращаюсь к родственнице убитого, работающей на заводе. Может, директор как-то обидел её?

– Я понял, что Вы имеете в виду. У Халилова было достаточно денег купить любую сногшибательную бабу. Зачем ему она?

– Мужчины ненасытны. Вы не думаете, что можно хотеть одну конкретную женщину? Или для Вас это непонятно...

– Почему же, – обиделся Максуд. В голове мелькнули женские лица, которых он хотел. – А как насчет Мамед-аги?

– Вряд ли...

– Насчёт моего помощника я могу сказать – даю руки на отсечение... – и тут Максуд осёкся от своих слов. – Я хочу сказать, что... это невозможно. Вы видели его?

– Да. Я уже общался с ним. Поэтому и спрашиваю о нём.

После непродолжительного диалога Максуд вышел из варочного цеха. У входа в свой кабинет он натолкнулся на ящик конфет «Лапки Гусейна».

– Какого чёрта они лежат тут! – вскричал Максуд. Он вызвал к себе Лятифа.

– Тут столько неприятностей. И всё это приходится тебе видеть. Ты стал жить на заводе. Так что, я тут подумал и решил... Через неделю командировка в Киев. Я решил послать тебя. Поезжай... Ты у нас толковый. Там будет выставка оборудования для пищевой промышленности. Может, найдёшь что-то полезное. Применить можно будет у нас...

Полиция целый месяц сновала по фабрике. Дело получило широкую огласку. Ему даже «придали политическую окраску» – происки оппозиции, происки кланов, происки властей и т. д. Полиция для виду арестовала несколько человек, но потом удивительно быстро отпустила. Дело-то было на виду, так сказать, «общественности».

Максуд был вскоре назначен директором завода.

Через два дня, когда он отмечал со своими близкими друзьями своё новое назначение, в разгар застолья, его позвала жена и сообщила о прибывшей посылке.

«Кто-то торопится меня поздравить», – подумал Максуд. На коробке стоял штамп – посылка из Украины. О! Это интересно.

Он открыл ящик, и... ноги подкосились. Максуд с криком рухнул на пол.

В коробке лежали лапки Гусейна – не конфеты, а отрезанные руки Гусейна Ибрагимовича с золотыми часами Rolex.

ЧЁРНЫЙ ТЮЛЬПАН

«А»

Свет в казарме тускло мерцал, и каждое движение в комнате отдавалось дикими плясками теней на стене. Было тихо, и скрип карандаша по смятому листу бумаги входил в сон пятерых солдат. Шестой писал письмо. Писал аккуратно, тщательно выводя каждую букву, проверяя наличие грамматических ошибок, будто это имело огромное значение. Ведь мать ждёт любой весточки, всё равно какой. Но, может, потому он писал аккуратно, что писал эти письма также себе?

– Самир, ты кончишь писать? – спросил один из лежащих солдат. – Выключай свет!

Самир не ответил. Он не торопился спать. Ему казалось, что сон крадёт его время. Этому надо сопротивляться, насколько позволяет плоть. Сопротивление стало неотъемлемой частью его нынешней жизни, навалившейся и придавившей действительности. Самир мог этому противопоставить только свои мысли. В мыслях он мог беспрепятственно перейти любые границы, оказаться даже в Баку, перелетая лихо советско-афганскую границу, не волнуясь при этом быть сбитым «стингером».

А сон был не в его власти. Сон творил кто-то другой. С ним было очень трудно бороться – оставалось только не спать. Но в этой борьбе подводило тело – жалкая оболочка, тюрьма для души и одновременно её великое пристанище. Но плоть так быстро поддавалась силе нескольких граммов свинца, она так невыносимо болела при ранениях, так смрадно гнила. Её возможности были так ограничены здесь, на войне, на чужбине, в истреблении жестоком и бессмысленном, в разрушении чужой жизни, которая никого не звала строить светлое будущее под названием коммунизм.

Сон снова властно потребовал уделить ему время. Самир потушил свет, и все предметы растворились в темноте.

«В»

Зазвонил будильник. Он имеет привычку настойчиво звенеть тогда, когда совсем не хочется вставать. Будильник-садирист.

Мама встала. Разбудила мужа и сына. Потом пошла на кухню. Привычные движения – зажгла газ, поставила на плиту чайник. Достала из холодильника яйца и ловко сбросила эмбрионную массу на сковородку. Яйца возмущённо зашипели. Потом пошла в ванную. Выглядеть опрятно – необходимость.

– Азад, ты опаздываешь в школу. Вставай!

Азад всегда «экономит» время. Обрато на кухню – надо подать мужу чай. Он любит крепкий. Тут появился отец. На стол подан традиционный утренний завтрак – сыр, масло, чай. Вся семья в сборе, только без Самира...

– Сегодня у нас контрольная, – сообщил Азад в надежде уговорить родителей не отправлять его в школу.

– Готовился? – спросил отец.

– Так себе.

– На этот раз тебе придётся пойти. В прошлый раз ты уже отсидел дома. Слишком много поблажек мы тебе делаем.

Мать стоя перекусила и выпила чай. Муж встал: – Ты погладила мне рубашку?

– Висит на стуле.

Теперь быстро помыла тарелки. Азад всё ещё ковырялся в яичнице.

– Я не понимаю, о чём ты думаешь, – сказала мать. – Тебе всё равно – опоздаешь ты в школу или нет, а потом меня вызывают учителя и спрашивают, где ты целыми днями шляешься.

– Мама, если бы ты знала, как неохота учиться! Изо дня в день одно и то же.

– Это у всех так. Я каждый день хожу на работу. Отец тоже... дедушка тоже ходил...

Дедушка закивал головой:

– Жизнь – это повторение. К нему надо привыкнуть.

Мама быстро оделась, схватила сумочку и вышла в ритм каждодневной обыденности. Проходящая по улице толпа задавала такт, а машины аккомпанировали нотам дня.

«С»

Из гостиничного окна открывался прекрасный вид на Шушу и окрестности. Свежесть зимнего воздуха шептала о жизни, дыхание лесных склонов приглашало к созерцанию прекрасного.

Самир постоял немного на балконе перед тем как спуститься вниз, в столовую. Было шумно, солдаты бряцали ложками и тарелками. Самир сел рядом с Юсифом. Сразу к ним подошёл какой-то пожилой человек.

– Султан-муаллим, – представил его Юсиф. – Писатель. Наверное, слышал о нём?

Самир демонстративно покачал головой – нет.

– А мы о тебе слышаны, – сказал Султан. – Побольше бы нам таких ребят, как ты. Молодчина! Родина сейчас нуждается в таких бойцах. Сотня-другая бойцов – и мы поставим армян на колени... Ночью слышали?.. Стреляли. Я так боюсь за Шушу. Здесь столько исторических памятников. Здесь центр нашей цивилизации... Один снаряд может уничтожить в секунду всё, что люди веками создавали... Всё это русские! Если бы не их помощь армянам... Наше руководство тоже «молодец»! Никто ни о чём не чешется! Идёшь по Баку – все своим делом заняты... сытые морды. Шалавы по городу расплодились. Беззаконие, взяточничество...

Самир заметил, что появился человек с видеокамерой и начал снимать их. Понятно... Этот писатель приехал сюда ради рекламы. Потом в газетах напишут, что такой-то деятель был на фронте, вёл работу среди населения и прочую белибердень...

– Это не война, а игра, – перебил Самир разглагольствования писателя.

– А я о чём говорю? Надо воевать по-настоящему. Мы столько лет с армянами жили в дружбе, столько для них делали, как, например, газопровод в Армению⁴. А с русскими вообще проблем не было... Надо отомстить!

– А ваши дети воюют или как? – спросил неожиданно Самир.

– Они ещё в школе учатся, – выпалил писатель. – Но всех своих родственников я... – писатель на секунду задумался, – я поощряю идти на фронт и...

Самир молча встал и вышел. Разговор стал неинтересен. Писатель секунду смотрел ему вслед, а затем продолжил говорить что-то Юсифу, но уже с меньшим пылом.

У входа в гостиницу стояла группа солдат во главе с капитаном.

– Самир, – сказал он. – Нам пришло подкрепление... Добровольцы... Народный фронт организовал для нашей предстоящей операции.

– Когда же наше руководство будет думать об армии? Чем вообще занимается министерство обороны?!

– Оно будет руководить операцией, – обиделся капитан на слова Самира.

– Руководить они могут. Вообще, у нас только руководить и могут.

Самир с интересом посмотрел на новоприбывших. В группе он сразу заметил двух битых ребят. Точно – они служили на морском флоте, выяснил позже Самир.

Капитан объяснил добровольцам, как в нынешнем бардаке принято жить, то есть где они будут спать, принимать пищу и нести, так сказать, боевую службу. Самир подошёл к одному из «битых» ребят и завёл разговор о жизни.

Звали парня Фархад, 27 лет. Служил на Дальнем Востоке в военно-морском флоте. Работал электриком на одном из бакинских заводов. Пришёл воевать – просто воевать, или можно сказать: «отдать долг Родине», «защитить Родину» и т. д.

⁴ Газопровод «Дружба» был проложен в советское время из Азербайджана в Армению.

«А»

Без пяти минут шесть Самир проснулся. В шесть подъём – зарядка и завтрак. Никакого наслаждения от еды. Хотя здесь в Афганистане кормили советских солдат гораздо лучше, чем в самом Советском Союзе.

На разводе заместитель начальника штаба сообщил:

– Ночью бандиты обстреляли наш пост на 25-м участке. Два наших солдата погибли смертью храбрых. Был бой – всех гадов прикончили... мать их... Надо отвезти тела в часть. Через двадцать минут колонна отъезжает. Асадов, Словесный, Косоруков, Давлетшин и Гончаров выделены для сопровождения.

Самир услышал свою фамилию. Он вспомнил классную переключку в школе.

Развод завершён. Самир пошёл получать оружие. Холодный металл коснулся рук, и почему-то во рту тоже чувствовался вкус металла. Самир проверил магазин. Потом направился к грузовику «ГАЗ-66». Рядом лежали убитые. Теперь им путь в часть, где их тела будут помещены в цинковые гробы, а оттуда на «чёрном тюльпане» – самолёте-«катафалке» – на Родину.

Появился старший лейтенант Шапошников для проведения инструктажа. Идеальный товарищ. Сам подал рапорт о переводе в Афганистан. На всех инструктажах, уже ставших формальностью, но не для него, он вначале говорил о выполнении интернационального долга и происках империалистов.

После инструктажа солдаты собрались у грузовика. Там стояли два офицера медицинской службы – полковник и лейтенант. Полковник сокрушался – если бы помощь подошла вовремя, то одного солдата наверняка удалось бы спасти. Он умер от потери крови.

– Жаль... теперь уже на Родину... в землю... – сказал полковник.

– Он уже давно на Родине, – сказал Самир. – Его душа там...

Полковник посмотрел внимательно на него:

– Веришь в существование души?

– Верю, хотя не положено. Комсомолец.

– Ты откуда?

– Из Баку.

– Мусульманин? Вы все верующие...

– А вы атеист, товарищ полковник?

– Да. Был бы ты у меня в операционной, я показал бы тебе кое-что... За столько лет я не отыскал место, где находится душа. Да и многое другое вызывает у меня сомнение...

– Её невозможно отыскать. Надо просто верить в её существование.

– Ишь ты, говоришь складно. Студент, наверное? Где учишься?

– Не успел поступить. Сразу в армию забрали. Я – январский... Я вот к кришнаитам ходил...

– Эти бездельники у вас в Баку тоже завелись, – перебил полковник. – Нет никакой души. Я тебе как врач говорю. Так что, брат, ц-е-п-л-я-й-с-я з-а ж-и-з-н-ь к-а-к т-о-л-ь-к-о м-о-ж-е-ш-ь!!!

– А как насчёт интернационального долга?

– Ты полегче!.. – Он оглянулся по сторонам. – Одно другому не мешает.

– Стройся! – последовал приказ командира.

После короткого развода бойцы полезли в машину. Всё стало рутиной.

Всегда кажется, что всё самое плохое произойдёт не с тобой. Самир иногда представлял себе, как может взорваться машина или попасть снаряд в их казарму.

Но – нет... Дальше этого сознание не работало. Это неуловимо – тонкая грань между жизнью и смертью. Пока ты мыслишь, ты объять эту грань не в состоянии.

– Гриша, воду взял? – спросил Самир.

– Да. Больно много ты воды пьёшь.

– Что делать? Такой фиговый чай дают... Приходится пить воду. Вообще, только чаем я могу утолить жажду, но нормальным чаем...

– Ты хочешь, как дома, на блюдечке с вареньем. Дождись «гражданки».

– Если доживу.

– Ты много обо всём этом думаешь. Нафиг! Я вот... Всё до одного места. Что будет – того не миновать. Главное, помирать быстро, мгновенно... Бомба, к примеру, накроет, и ты ничего не почувствуешь. До твоего приезда один барак снарядом накрыло... А то, прикинь, в госпитале гнить. Одна операция, вторая. Приезжаешь домой – инвалид, третья операция, тихо помираешь, и никому нет дела...

– Давай лучше о чём-нибудь другом поговорим.

– Давай помолчим.

Самир вновь задумался о том же. «Такой ничтожной кажется жизнь человека. Раз – родился, два – умер. Был человек, и нет человека. Трудно поверить в случайность рожденья человека, а как объяснить его смерть? Нет, явно кто-то всем этим управляет. В школе учителя говорили про атеизм, а сами небось верили в Бога. Только непонятно, добр ли Бог... А может, во всём происходящем есть смысл? И в смерти, и в войнах».

Так беспорядочно мысли цеплялись одна за другую, и даже сам этот мыслительный процесс вызывал восхищение и веру в высшее сознание. «Во всяком случае, – думал Самир, – с верой легче жить. Вот, пожалуй, истинные атеисты – люди очень смелые. Они не боятся перечеркнуть своё бытие после его финала». Самиру же казалось, что не только, как их учили, материя вечна, но также вечности принадлежит и сознание, притом сознание каждого отдельного индивидуума.

И тут же пронзала мысль о сне – кусочке жизни, когда отсутствует сознание. Самир вспомнил, как однажды в детстве, когда он осознал, что тоже, как и все, в один день умрёт, он стал бояться засыпать. Ведь во сне отключалось сознание. Может, вот это и есть состояние смерти или небытия? А кто его знает? С того света никто не возвращался.

С некоторых пор Самир стал бояться сновидений. Было приятно просыпаться – может, это и была генеральная репетиция смерти и последующего воскресения. И так всегда, вечно...

Машина заурчала, преодолевая подъём. Послышался хлопок газа. Ещё один. Звук шёл спереди, с грузовика, который вёз тела.

– Хреновая машина у Володьки Косматого, – заметил Гриша.

– Он же за ней не следит, – вмешался Гончаров. – Мне бы дали машину, я бы...

– У тебя уже была машина, Гончар.

– Так меня за бензин сняли, а не за плохое содержание. Все бензин толкают, только вот меня решили накрыть, сволочьё.

«В»

Мать разбирала почту. У заведующей канцелярии горкома бумажной работы всегда хватало. Смена власти, местной, разумеется, – и новые директивы. Именно начальники канцелярий могут ответить на вопрос: как управляется страна всеильными «исходящими» и «входящими». Штамп, номер, дата и размашистая подпись – решалась судьба. «При чём тут Бог», сказал бы начальник парткома, воспитанный в духе «научного» атеизма, но то и дело про себя обращаясь к Богу с просьбой не наказывать его на том свете и дать дальнейшее продвижение по службе.

Мать не заметила, как вошла сослуживица.

– Привет, как дела? – все эти машинальные вопросы и ответы. – Как ребёнок?

– Опять приболел. Не знаю, что с ним делать. Он такой слабенький. Хочу его в какую-нибудь спортивную секцию записать, пусть окрепнет немного.

– Хороший врач нужен. Сперва подлечить необходимо. Я тебе дам адрес и телефон. Моих двух детей, можно сказать, он поставил на ноги.

– Спасибо. Обязательно обращусь к нему. Да оторвись ты от своих бумаг!

– Фуф! Хорошо, что сказала. Я так иногда заведу, что не могу остановиться. Я имею в виду работу...

– От Самира вести есть?

– Неделю назад письмо получила. Пишет, что всё нормально.

– Да. Представляю, как тяжело тебе. Расти, расти и потом отдай на съедение... – Голос понизился. – Говорят, что наши скоро оттуда войска выведут.

– Я молюсь на Горбачёва...

– Ладно тебе! Нашла на кого молиться. Уж молиться Богу надо.

– Я чувствую, что именно этот человек покончит с войнами, по крайней мере, с теми, в которых участвует наша страна. Эта вся перестройка и демократизация – здорово.

– Это ещё не известно. Вон, говорят, в Алма-Ате такое было.

– Главное – Самир жив был и здоров, вернулся домой – и всё, и всё...

– Он вернётся. Поверь мне, – сказала сослуживица. Слова утешения денег не стоят, а вот душу человека облегчают. – А вообще, как ты его проморгала в Афганистан? Надо было положить на лапу кому надо.

– Мы не ожидали. Его забрали в Грузию, на «учебку», а оттуда раз – и в Афганистан. Если бы я знала!.. – И неожиданно воскликнула: – Пускай дети генералов воюют!

– Не забывай, что здесь райком партии.

– А чего? Председатель сам политические анекдоты рассказывает.

– На то он и председатель.

Вошёл молодой инструктор райкома. Аккуратно одетый, весёлый – ведь его ждала ПЕРСПЕКТИВА. Он тут был временно. Трамплин. Отец выдвинет.

– Об-б чём-ммм речь?

– Об анекдотах.

– Анекдоты я люблю. Поделитесь.

– Встречается как-то Рейган с Горбачёвым...

– Только не тут, – запричитал парень с перспективой стать, по крайней мере, председателем райкома партии.

– Я думала, что ты смелый.

– Для смелости есть место и время.

Мать вспомнила снова Самира. Для него время и место для выражения смелости выбрал кто-то другой.

«С»

Самир спустился вниз к реке. Новенький «Урал» стоял в тени деревьев.

– Хреново вы маскируетесь. В Афганистане вас за километр увидели бы, а ещё в лесу находитесь.

– Откуда им бедным знать, – сказал Юсиф. – Вот ты и научи.

– Все мы учились, – заметил капитан.

– Пока я их буду учить, их всех по одному перебьют. Война должна вестись на государственном уровне. А тут одна самодеятельность.

– Ладно, не задирайся, – отрезал капитан. – Все вы, «афганцы», любите выпендриваться и из себя крутых строить.

Капитан отошёл к бойцам. Юсиф зло посмотрел ему вслед.

– Иногда думаю, какого чёрта я припёрся сюда. А тебя вообще не понимаю. Тебе одной войны недостаточно?

– Вот ответь на первый вопрос. Почему ты здесь? Я не люблю говорить про патриотизм и родину. Кто об этом громко говорит, меньше всего дел делает.

– Я член оппозиции...

– А чтобы быть патриотом, нужно числиться в оппозиции? – перебил Самир. – Я вот что скажу – проходимцев везде хватает.

– Среди коммунистов их намного больше, – упорствовал Юсиф.

– Не дели народ. Я видел, что из этого в Афганистане получилось.

– Афганцы – народ что надо. Никто их не смог покорить – ни англичане, ни русские. А мы тут никак оборону организовать не можем! А ещё и предатели есть!

– Избитая тема. Мне неинтересно... Самобичевание я не люблю, потому что не мазохист.

А предателей и в Афганистане хватало – всякие там «бобраки» и «кармали»...

– Я не удивлюсь, если с нашей предстоящей операцией что-либо произойдёт, – продолжал Юсиф. – Не хочу каркать...

– Уже накаркал... И мне интересно, что с этой операцией произойдёт.

– Завидую я тебе. Не боишься ты смерти...

– Я уже один раз умер. Мне дана вторая оболочка...

«А»

Машины остановились. По инструкции этого не полагалось делать. Но грузовик знаменитого Володьки Косматого перегрелся на подъёме. Что-то было неладно с двигателем. Старший машины – прапорщик Загороднюк орал на весь Восток благим матом.

Самир и Гриша выпрыгнули из машины. Место было пустынное. Голые скалистые склоны гор молча взирали на усилия чужеземцев завести машину.

– Кажись, я тут был, – сказал Гриша. Он несколько минут подумал. – Точно! – воскликнул он, будто узнал знакомую девушку. – Вон там деревня. Говорю же – был я тут-а!

– Что-то не видно деревни, – заметил Самир.

– А мы её в прошлом году спалили. Там душманы прятались.

– Так и спалили целиком?

– А что делать? Приказ был. Да и по-другому трудно было бы выкурить этих сволочей оттуда. Людей потеряли бы. Все в деревне за них были.

«Чего же воевать против них, если вся деревня за них? Конечно, отсталые элементы в деревне не понимают, какие блага несёт им коммунизм», – подумал Самир, но, конечно, не высказал это вслух.

Но тут к нему подошёл прапорщик Загороднюк. Он будто уловил колебания на лице Самира.

– Жалеешь их? – спросил он.

– Кого – душманов или жителей деревни?

– Они все заодно. Нечего их жалеть, солдат! Своих жалеть надо.

– Я жалею, да и вообще людей люблю.

– А мы не любим?

– А чего Вы, товарищ прапорщик, отделяете меня от остальных?

– Ты всегда непутёвые разговоры ведёшь. Такие, как ты, потом... раз – на их сторону переходят.

– Это серьёзное обвинение.

– Да, солдат! Я так думаю!

Это обращение «солдат» Самир ненавидел всеми фибрами своей души.

– Что ты к нему пристал? – вступился Гриша. Положение деда позволяло ему говорить с прапорщиком на «ты».

– Плохо ты людей знаешь. Два таджика прошлым месяцем на сторону бандитов перешли. Тут надо за всеми присматривать.

– Так это таджики... У них язык с афганцами почти один... А ты машинами занимайся. Для таких дел замполит существует.

Спор продолжался. Самир отошёл в сторону.

Он подумал, что трудно представить, как можно перейти на их сторону. До конца своих дней ты никогда не будешь снова на родине. Не увидишь своих родителей. Нет, этого он сделать не сможет.

А что если придётся выбирать между жизнью и смертью? Слишком высока цена жизни. Самиру не хотелось погибнуть смертью храбрых. Хотелось жить – ведь это так прекрасно! Он только мог восхищаться подвигами солдат Великой Отечественной войны, о которых он читал или видел фильмы. Они не боялись смерти, бросались под танки. Как это они могли делать? Самир не знал ответа.

Спор между Гришей и прапорщиком завершился. Гриша подошёл к Самиру и сказал:

– Не обращай внимания на этого мудака. Но лучше с ним не спорить.

– Откровенно говоря, а я только с тобой откровенен, меня эта война уделала...

– А меня как... Жду не дождусь «дембея». Не то, что дни, часы считаю!

Наконец Косматый завёл машину. Прапорщик дал команду лезть в машины. Колонна тронулась в путь. Всё снова повторялось, и ничего Самир не мог сделать с этим ходом событий... А так хотелось нынешнюю реальность перечеркнуть. Но это только можно было сделать в мыслях.

Вдруг раздался свист. До боли знакомый и неприятный. Засосало под ложечкой – как в первом бою. Самир понял, что их обстреливают. Теперь история была в его руках – надо было действовать.

Гриша выпрыгнул из машины, и Самир ухватил то мгновение, когда система белков, углеводов и жиров под телесной оболочкой личности, именуемой Гришей, разлетелась на куски. Самир остался сидеть, как парализованный. Последнее, что услышал Самир, – это был мат Загороднюка.

«В»

Подходило время обеденного перерыва. Мама взглянула на часы. Начальник ушёл, и она решила сбегать домой. У дверей дома стоял дедушка.

– Ты пришла очень кстати. Я никак дверь открыть не могу.

– А Азад где?

– В школе.

– Пора ему быть дома. Опять, наверное, шататься пошёл.

– Да-а... Я совсем забыл, – и он тронул свою лысую голову. Это касание напомнило ему не только, что у него плохо с памятью, но и то, что он уже совсем лысый. Много у старых людей напоминаний об их возрасте.

Мать открыла дверь.

– Я могла и не прийти домой. Тогда тебе пришлось бы прождать несколько часов. Поэтому надо сказать Азаду, чтобы перестал шататься попусту.

– Да что ты его так опекаешь! Взрослый парень, пускай гуляет. Это мне надо перестать быть забывчивым. К сожалению, возраст берёт своё.

Они прошли на кухню. Мать поставила подогреть на плиту еду.

– От Самира писем нет? – робко спросил отец.

– Куда же ещё? Неделю назад получили.

– Тофика давно видела?

– Месяц назад.

– Сукин сын, даже не звонит мне.

– Ну, если ты его так встречаешь...

«Не прав отец, – подумала мать. – Так плохо со своим сыном не обращаются. Он этого не заслужил».

– А как мой зять? Слышал, новое назначение должен получить. Почему-то слышу это не от вас, а от совсем чужих людей.

– Да всё пока неопределённо. Всякие проблемы возникают. Вот и забываем сказать...

– Это ли проблемы? Вот у Самира действительно проблемы.

И тут мать ощутила, что у Самира проблемы...

«С»

Самиру план операции с самого начала не понравился. Какая идиотская идея послать людей вперёд, а за ними технику! Но на операцию прибыл сам министр. Правда, подумал Самир, что диверсия в нашей армии может произойти и на самом высоком уровне. Конечно, присутствие министра успокаивало. Да и ребята на операцию подобрались что надо.

Самир сидел на позиции и взирал на великолепную природу Карабаха. Любил он леса, деревья... И всё это, вдруг подумал Самир, может для него исчезнуть. В это трудно поверить. Кажется, что твоё сознание создано на вечные времена. Он взглянул на чистое голубое небо. Ему захотелось верить, по крайней мере, что он после смерти взлетит туда и будет созерцать землю оттуда.

Самир заметил на склоне горы движение. Выстрел – всё замерло. «Какой идиот стрелял? – подумал Самир. – Спугнул врага не вовремя. Надо было ещё подождать». Но через минуту началась пальба. Уже стреляли с противоположного склона. Самир взял быстро свой расчёт и почти ползком стал спускаться к ущелью, находящемуся справа. По рации он услышал, как дали команду идти вперёд.

Один из бойцов слегка выпрямился – устал идти сгибаясь. «Подумать только – устал», – пронеслось у Самира в голове, но в следующую секунду боец рухнул вниз.

Всё – никого нельзя уже было остановить. Началась беспощадная пальба. Грохнул гранатомёт.

Преодолев ущелье, Самир стал наблюдать очень странную, по его мнению, тишину вокруг. Он как раз таки намеревался обойти центральное место баталий. Однако тишина всего за несколько сот метров от линии соприкосновения его насторожила. По рации он услышал снова команду двигаться вперёд.

Вперёд. Медлить нельзя. Но пройдя тридцать метров, Самир и его отряд оказались накрыты шквальным огнём. Казалось, стреляли с четырёх сторон. Самир бросился на землю. Бороться за жизнь он умел.

Говорят, что осознание надвигающейся смерти чётко возникает перед умирающими. Но Самир не собирался умирать. Он прижался к земле и дополз до небольшого куста. На нём был бронезилет. Пускай стреляют в спину. Главное, чтобы не попали в голову. Он видел, как уже четверо солдат из его отряда свалились замертво.

«Я должен постареть, понять этот мир и потом только умереть», – твердил про себя Самир. А иначе в чём же смысл жизни, зачем такой путь?

Через десять минут всё замерло.

Перспектива оказаться в армянском плену, наверно, была хуже смерти. Но кто мог расстаться сам с жизнью, расстаться с надеждой.

«Надо бороться», – подумал Самир.

ЭПИЛОГ

В морге госпиталя лежали несколько тел. Прибывший туда капитан спросил у полковника медицинской службы:

– Сколько тут тел?

– Девять. Один у меня на столе.

– Чего же до сих пор в гробы не уложили? Пора бы...

– Надо сказать, чтобы листы принесли. А у сварщика электроды кончились.

Это только могло происходить с советскими людьми. Нет электродов – и всё встало. Даже в морге.

Полковник возвратился к себе в операционную. Молодой врач – лейтенант склонился над чьим-то телом.

– Изучаешь?

– Этого пацанчика могли бы спасти, если привезли бы на два-три часа раньше.

Черепная коробка была вскрыта. Полковник стал кое-что показывать молодому врачу и завершил:

– Мозг – штука серьёзная. Самые сложные операции... Мой старший брат – нейрохирург. Я у него немного практиковался. Чтобы стать хорошим нейрохирургом, нужен особый талант.

– Да...

После некоторого молчания лейтенант сказал:

– Вот это серое вещество. Здесь всё то, о чём этот паренёк думал, мечтал, кого любил и ненавидел. Сколько гениального в этом сером веществе заложено!

– Кем же заложено? – спросил полковник и сам ответил. – Не кем, а чем – скорее всего, природой.

– Такую гениальную вещь природа не могла изобрести.

– Посмотри сюда. Вон это уже мёртвые клетки. Нет жизни, нет и действия. Нет и души... Вон гляди на сердце. Нет движения. И там тоже нет души.

Лейтенант помолчал несколько минут. Полковник закрыл черепную коробку.

– Больно знакомое лицо у этого солдата, – заметил лейтенант. И сразу же почти вскричал:

– Да это тот солдат, который с Вами говорил на заставе! Помните? Вы говорили о кришнаитах, о душе! Я его запомнил. У него было такое лицо...

– Да... Припоминаю. Вообще-то мёртвые все друг на друга похожи... Я, пожалуй, пойду. Убери здесь всё. Распорядись, чтобы тело отвезли вниз.

Полковник бросил последний взгляд на труп молодого солдата и произнёс:

– А у этого солдата, кажется, всё-таки была... или есть... душа.

1987—1993

«ОДНАЖДЫ В АМЕРИКЕ» В БАКУ

1986

Бахман вышел прогуляться на Торговую. Было скучно. Самое верное занятие при таких обстоятельствах – пошататься в поисках друзей. У книжного пассажира он встретил дворовых приятелей. Разговоры о том, о сём – открытие нового кооперативного ресторана, где подают клёвое блюдо с грибами, новый альбом Modern Talking, покрывалки к машинам, девочки и т. д.

– Время наступает совершенно новое, – восклицал Вадик. – Горбачёв видит в кооперативах силу, которая может решить проблему с дефицитом...

– Ребята, не будьте наивными! – говорил Рафик. – Мой отец знает, что говорит? – в характерной для бакинцев манере спросил он и далее продолжал, потому что никто не мог знать, кроме Рафика, что говорит его отец. – Всё это явление временное. Народ у нас не любит кооперативщиков. Скоро всех их закроют...

– Да ты не видишь, что грядут реформы... реформы серьёзные, – настаивал Вадик. – Стали пускать западные вещи...

– Во! Это здорово...

Тут один из «məhələ uşaqları»⁵ спросил Бахмана, как единственного среди них обладателя видеомагнитофона:

– Кстати, насчёт «западного». Что-нибудь новое есть посмотреть?

– Жду... Скоро должен один приятель приехать. Может, привезёт что-то...

– Опять толпою к тебе завалим.

– Нахлебники, – сказал Вадик и через какое-то время воскликнул: – Слушай, Бахман. Я на твоём месте тут такое устроил!

Все смотрели на Вадика. Последний бросал быстрые и короткие взгляды:

– У меня отличная идея для тебя, Бахман! Можем сделать дело. Я буду с тобой в доле. Идея всё-таки моя.

– Му-му не делай. Говори быстрее!

– На твоём «видике» можно хорошие бабки сделать. Организовать показ фильмов за плату.

– Как Аркадий, которого посадили...

– Он показывал порнуху. Вот и посадили его. Да если дело построить с умом...

– У нас рано или поздно кто-то всё равно стуканёт...

– За что? Везде кооперативы открываются.

– Нужно иметь тогда разрешение. А на показ видеофильмов разрешение не дают. Ты слышал, чтобы кому-нибудь давали?

– Так ты ничего не понял. Мы будем крутить фильмы... «безопасные» – боевики, комедии, всякие там «жизненные» фильмы. Сейчас на Запад смотрят несколько по-другому. Идёт... как это его... демократизация... – и через несколько секунд Вадик раздражённо добавил, – в общем, я вижу – из вас ничего не выйдет. Деньги делать не хотите. Просто стоять во дворе и трепаться.

– А ты у нас делаешь бабки? – с иронией спросил Рафик.

– А что, разве не делал?! Я кассеты записывал. Сейчас у меня бабинник накрылся. Надо купить новый. Старый своё отпахал...

⁵ Дворовые ребята (азерб.).

Так ещё некоторое время друзья поговорили о жизни и решили пойти поиграть в бильярд. Бахман жил со своей матерью в доме напротив БУМа. Все эти милые сокращения, ушедшие официально в прошлое – Бакинский универсальный магазин, то есть Baku supermarket. Да, такое название дали бы сейчас. Но народ продолжает называть это место БУМом.

Бахман окончил Азербайджанский институт нефти и химии, но работал не по специальности. Он прекрасно разбирался в электронике и устроился на работу в Бакинский завод бытовых приборов. Зарплата была советская, то есть скромная, и он подрабатывал тем, что чинил импортную аппаратуру, что приносило ему приличный доход. Два года назад один его приятель, сын одного из партийных боссов, привёз из-за границы видеомагнитофон. Через некоторое время «видяшник» испортился, и он отдал его починить Бахману. Позже он решил его продать, так как собирался в новую заграничную поездку, и решил купить новый, чем отдавать деньги, и немалые, на ремонт. Так «видяк» остался у Бахмана, который приобрёл инструмент доступа к западной жизни.

Бахман пришёл домой, поужинал и прошёл к себе в комнату чинить «бабинник» Вадика. Процесс починки аппаратуры Вадика сопровождался обдумыванием его предложения.

Чертовски было привлекательно. Власть сейчас не так строга. Время кооперативов – можно открыть свой бизнес. Вот это слово «кооператив» тоже оттуда, из-за границы, стало часто употребляться в последнее время.

Через пару дней один из друзей принёс фильм с участием Брюса Ли. У Бахмана дома царило столпотворение. Почти весь двор, даже прилежащие дворы сидели у него. Вот тогда Бахман окончательно решил начать «свой бизнес».

Вадик принялся за дело с воодушевлением. Он оповестил сперва свою бывшую школу и стал таскать оттуда ребят на дом. Такса за просмотр трёх часов с хвостиком, что обычно составляло два фильма, была червонец. За раз приходило ребят шесть-семь. Сеансы проводить Бахман старался днём. Он стал раньше уходить с работы, оставляя определённую долю своему начальнику. Зарплату он покрывал за три-четыре сеанса.

Прошло две недели, и Вадик в один из дней сообщил:

– Тут слухи про нас стали распространяться. Желательно договориться с участковым. Будем отстёгивать ему столы, может, два. Посмотрим на его аппетиты.

Аппетиты у их участкового полицейского были хорошие. Он был участковым всё же жирного участка – центр города. Много всяких, как говорят, «точек».

Бахман согласился:

– Надо обязательно его заверить, что порнуху мы не гоним.

Заверили. Участковый пару раз сам пришёл посмотреть фильмы. Потом договорился, что несколько раз в месяц он будет приходить с друзьями смотреть фильмы – это помимо его мзды. Окэй, как говорят там, на Западе.

Обеспечением новых фильмов занимался Вадик. Они с Бахманом скинулись, купили пару десятков фильмов и обменивались по городу со всеми знакомыми, которые имели видеомагнитофон. Фильмы стоили недёшево – пятьдесят рублей и больше, почти треть зарплаты советского человека.

Жизнь пошла весёлая. Мать поначалу всё это не одобряла, но после трёх месяцев, когда Бахман купил новую стиральную машину, люстру, сделал «косметический» ремонт, она успокоилась. Деньги шли... Проблем с властями не было. Предприятие Бахмана смахивало на кооператив.

В процессе показа Бахман сам пересмотрел кучу фильмов. Через полгода ему все эти боевики и «ужастики» стали надоедать. Пару раз он посмотрел, как говорят в Баку, «жизненные фильмы». Среди них попадались очень даже интересные.

С большим удовольствием Бахман посмотрел фильм «Охотники за оленями» с Робертом де Ниро в главной роли – его любимым актёром; фильм о войне во Вьетнаме. Бахман как

раз прочёл в каком-то журнале, кажется «Огонёк», статью про пацифизм. Автор проводил параллели афганской войны с вьетнамской. Что-то он написал и про этот фильм...

Другим обожаемым фильмом был «Крёстный отец». Бахман смотрел его с огромным удовольствием и открывал для себя каждый раз что-то новое. Для себя он решил, что фильмы с участием Роберта де Ниро он не будет пропускать, хоть даже тот в эпизодической роли.

Прошло полгода. Бахман купил подержанный «жигули». На работу он стал выходить через день. Почти всю зарплату он стал оставлять начальнику. Ему только надо было числиться где-то на работе, чтобы не зачислили в тунеядцы.

Приходили новые клиенты. Многих Бахман не знал. Так продолжалось ещё полгода, пока не сменили начальника милиции района. Пришёл указ сверху выполнить «план по преступности». Начальник был новый, хотел себя показать...

Однажды Вадик принёс новый фильм «Однажды в Америке» с участием Роберта де Ниро. Пару лет назад он вышел на экраны в США. Бахман просто обалдел от фильма! А какая музыка! Эннио Морриконе сотворил, что называется... Бахман записал с видео на аудиоплёнку мелодию и частенько её прослушивал...

Ничто в тот день не предвещало дурного. Нагрянула милиция и стала обыскивать... Взяли с собой аппаратуру и несколько фильмов. В основном это были боевики с Брюсом Ли и Чаком Норрисом. Были ещё фильмы – «Крёстный отец», «Челюсти» и «Однажды в Америке».

Бахман в целом был спокоен. Его не могли прижать за незаконный показ фильмов. Не застукали на месте. А фильмы, которые он хранил, были «безобидные» – ни политики, ни порнухи...

Бахмана вызвали в следственный отдел. Туда он шёл уже со страхом.

Следователь был... типичным следователем. Глаза пожирали человека...

– Так, у тебя найдено порнографическое кино, – холодно констатировал тот. – Не прикидывайся, что не знаешь...

Прокурор прошёл к видеоманитофону и включил. Раздались звуки мелодии Эннио Морриконе из кинофильма «Однажды в Америке». Следователь стал быстро прокручивать запись. Жизнь гангстеров завертелась. Стоп...

Роберт де Ниро залезал в машину, где его дожидалась голая проститутка. Следователь стал крутить дальше. Вот сцена, где любимый Бахманом Роберт де Ниро грабил банк. Да, там тоже минуту длилась сцена сексуального насилия...

Бахман хриплым голосом промолвил:

– Это же кино! Там всего три минутки...

Ему дали три года. Он пытался заплатить, но... Бахман попал в «план».

1989

На дворе стоял декабрь. Бахман день как вышел из тюрьмы и обалдевший гулял по городу. Многое менялось... Появились коммерческие магазины, беженцы из Армении, плакаты с полуголыми девицами, импортные шоколадки и т. д. Он шёл по любимой Торговой улице, пересёк садик Насими и направился к кинотеатру Низами. Привычно было видеть большой плакат на кинотеатре с рекламой очередного фильма...

И тут... Он буквально помчался, увидев знакомое название. В один миг он нырнул и вынырнул из подземного перехода и посмотрел на название фильма.

Бахман сел на парапет. Он сдерживал себя несколько минут. Потом слёзы потекли – он молча рыдал. Прохожие с удивлением смотрели на него. В Баку редко увидишь рыдающего молодого парня на улице.

Сверху, с плаката, на него смотрел со своей отменной улыбкой Роберт де Ниро – главный герой картины «Однажды в Америке».

2001

ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ

Известие о том, что Арифа отобрали на учёбу в Америку, застало его в обществе друзей, за столом в кафе «Наргиз», где Арифу уже изрядно надоело пробовать орешки, «Советское шампанское» и шоколадку «Марс», несмотря на то, что последнее придавало силы на весь день, если верить рекламе. Звонок от подруги из американского посольства на его мобильный телефон с фотокамерой, которым он так яростно щеголял, чуть не привело Арифа в состояние, близкое к оргазму. Он был один из немногих счастливицков, который выиграл так называемую стипендию Эдмунда Маски, предназначенную для граждан бывшего Советского Союза, пройти курс обучения в США для получения степени магистра.

Секунда – и пронесли эскадроны мыслей шальных...

Америка – то, о чём мечтал всю жизнь, за все свои двадцать четыре года, то, что он видел по видеоманитфону и мечтал... Мечтал сидеть в американских барах, ездить по бульвару Сансет, общаться с американочками, страстными и красивыми, надо полагать, как Шерон Стоун и Ким Бессинджер. Что ещё? Да всего сейчас и не объять. АМЕРИКА-А-А-А!!!

На календаре было 30 августа 1998 года, когда Ариф направился в Бакинский аэропорт – здание, построенное ещё в советское время, чтобы отправиться на другой конец света. Когда самолёт взлетел, Ариф посмотрел в иллюминатор, чтобы попрощаться с родным городом. Но дул сильный ветер, и весь Апшеронский полуостров утонул в пыли. Самолёт покачивался при взлёте и как бы вместо Арифа махнул «гуд-бай» Баку.

В Стамбуле Ариф сделал пересадку и взял курс напрямиком на Нью-Йорк и через одиннадцать часов приземлился в аэропорту имени Кеннеди – JFK. Ему надо было добраться в центральную часть Нью-Йорка – Манхеттен, где находился Колумбийский университет. Он сел в автобус, который понёс его навстречу Америке.

Однако первые полчаса, пока автобус пересекал два других района Большого Нью-Йорка – Бруклин и Квинс, Ариф был удивлён – серые дома, в основном трёхэтажки, и никакой грандиозности. Как только автобус вырулил на завершающую часть дороги Лонг-Айленд Экспресс, небоскрёбы засверкали, словно в сказочном фильме замок волшебника.

Ариф сошёл в сердце города, около Grand Station – Большого Вокзала. Впечатление от Нью-Йорка было... впечатляющим. Ариф вспомнил слова из кинофильма «Бриллиантовая рука»: «Нью-Йорк – город контрастов». Позже он мог убедиться, что в этом городе было всё – небоскрёбы, трущобы, лимузины, миллионеры, нищие, учёные и люмпены.

Было влажно. А тот, кто был в Нью-Йорке, знает, что в жару в этом городе можно сойти с ума. Влага, пробки на дорогах... Люди торопились – белые, чёрные, латиноамериканцы, китайцы и вообще какие-то непонятные... Впрочем, говорят, что Нью-Йорк – это не Америка, ровно как и несколько других больших городов США – Лос-Анджелес, Майами и другие. В принципе визуально Ариф увидел то, что ожидал увидеть в этой стеклобетонной громадине. В памяти пронесли кинофильмы...

Первые два дня ушли на размещение в общежитии университета. И почти сразу Арифа обуяло чувство отчуждённости в новом месте. Всё было новое, незнакомое. Всю жизнь проживший в родном городе и в знакомом окружении, Ариф почувствовал себя неуютно. Ожидания всегда выше реальности.

Только вечером второго дня пребывания, когда он оказался на горящем неоновыми огнями Тайм-сквере, он почувствовал себя в том Нью-Йорке, который желал увидеть, посреди праздника жизни, в сердцеvine столицы мира.

Однако после нескольких дней пребывания в городе Большого яблока, как величают Нью-Йорк, ещё ожидая начало занятий в университете, город своими размерами и скоростью

как транспортного, так и людского потока стал давить на Арифа. Он вспомнил слова из песни советского эмигранта-барда Токарева: «Небоскрёбы, небоскрёбы, а я маленький такой...»

Ариф стал лихорадочно искать товарищей и пытался сойтись с сокурсниками, которые прибывали с каждым днём. В основном это были студенты из стран Восточной и Центральной Европы.

Бог послал ему грузина Мамуку, с которым они в первый же день знакомства напились до чёртиков. С выходцами из стран бывшего Союза было легче всего сойтись, так как этому, естественно, способствовала общность культуры, а также знание «международного» и «великого, могучего» русского языка. Далее на помощь им подоспел казах Марат, привёзший с собой десять бутылок казахского коньяка и три килограмма копчёной конины, которую, впрочем, никто, кроме казаха, и не ел. Но присутствие мяса благородного скакуна придало их застольям, по мнению Арифа, настоящий мужской дух – степи, погони, кони, мои кони... как там пел Высоцкий.

Прибывшие из Латвии и Литвы два прибалта, как называли их в Союзе «нерушимом», поначалу отказались вообще говорить по-русски и вели себя по отношению к бывшим «совковым» соотечественникам надменно. Они уже были частью демократической и цивилизованной Европы. Той же частью пытался быть ещё один представитель Украины. Однако первые посиделки выявили, что вообще «мы все братья». У нас сало, у вас шашлык, у нас рижский бальзам, а у вас вино... И вообще, самостийно мы всё ещё лучше дружим. Через пару недель к ним присоединятся прибалты и после двухсот граммов перейдут с английского сразу на русский мат.

Впрочем, соберуны вскоре закончились, и новоприбывшие студенты приступили к занятиям. И первый семестр пришлось попотеть, учитывая тот факт, что учёба проходила для всех иностранных студентов, как бы хорошо они не знали английский, на чужом языке.

Основным предметом изучения Арифа была социология. Американцы, предоставляя студентам из стран с переходной экономикой возможность получить бесплатно обучение в США по таким программам, как «Маски», полагали, что, возвратившись, выпускники американских университетов помогут подъёму своих стран, налаживанию работы на «западный» лад. Идея очень благородная. Правда, студентов на родине совсем не ожидали с распростёртыми объятиями. Кое-кому удавалось добиться успехов на общественном поприще и принести пользу своим странам. Но и нередко они вынуждены были работать в частных кампаниях, оставаясь невостребованными в соответствующих коррумпированных государственных структурах.

Людам, родившимся в коммунистическом строе, представился уникальный шанс сравнить тот самый «пресловутый» капитализм с «преимуществами» социалистического строя. Однако анализ временами был противоречивый. Если раньше всех советских людей учили, что они «счастливы» по определению, то во время «перестройки» земным раем казался весь Запад. Но прибыв на тот самый Запад, Ариф и его сокурсники понимали, что не всё так просто – жизнь гораздо сложнее и её не обрисовать только чёрно-белыми тонами. Но, к их удивлению, американцы в своём большинстве давно поделили мир на хорошее и плохое, и людей соответственно, как в голливудских фильмах. И жили вот так...

Ушлые «совковые» люди, с которыми Ариф иногда общался в многоэтническом Нью-Йорке, удивлялись наивности и примитивности простых граждан. И кичились своим действительно витиеватым умом и умением обмануть американских налогоплательщиков. Но как-то Ариф ответил одному бывшему «совку»: «Почему они, умные и смышлённые, не могут наладить нормально жизнь в своих странах, а эти простоватые западники давно расстались с бардаком, властвующим в странах с „ушлым“ населением».

Хотя стоило шагнуть несколько улиц выше от Колумбийского университета по Манхэттену, то есть в знаменитый Гарлем, и попадал в совсем иной мир. Так, по неопытности Ариф

через пару недель забрёл «не в свой район», где двое приветливых афроамериканцев попросили вежливо дать им десять долларов. На вопрос Арифа: «Почему я должен вам давать десять долларов?», они так же приветливо ответили: «Если задашь ещё один вопрос – придётся тебе дать нам двадцать долларов». Ариф хотел было, как в Баку, попетушиться, но внутренний голос сказал, что не стоит – эти двое особенно церемониться не будут, да и ножи у них острые.

Следующее знакомство с Америкой у Арифа состоялось через медицину. У него серьёзно разболелись гланды, да так, что он практически не мог глотать. Ариф пошёл к врачу, ожидая, что через пару минут после приёма, американские врачи сотворят чудо. Одного его родственника, попавшего в автокатастрофу в Америке, оперировали и, что называется, буквально сшили заново.

Первые двадцать минут Ариф заполнял кучу всяких форм. Потом ещё пришлось прождать в приёмной около часа. Наконец его принял врач. Ариф надеялся ну хотя бы на «смазывание», как обычно ему делали в Баку. После двух-трёх таких сеансов становилось гораздо легче. Однако врач, осмотрев горло, взял пробу и удалился. Вновь он появился через пятнадцать минут, сообщив, что у него вирусное заболевание. Надо принимать антипростудные лекарства, и выписал рецепт одной микстуры для полоскания горла. За это врач со страховки взял 150 долларов. На робкое замечание Арифа сделать ему смазывание с йодом и ещё какой-то мазью, врач стал смеяться. Такое в Америке не делали уже много десятилетий. А что же было взамен? Tylenol – этим лекарством лечили всё остальное. После такого лечения, выйдя от врача, Ариф решил заняться самолечением, и хотел было купить на всякий случай антибиотики в аптеке. Однако в аптеке без рецепта, кроме того же Tylenola, почти ничего нельзя было купить. Хочешь рецепт – иди к врачу и плати ещё 150 баксов. Всё закончилось тем, что Ариф пришёл в общагу и начал усиленно полоскать горло водкой. Помогло.

Ариф поначалу усердно грыз, как говорится, гранит науки, и только через два месяца после начала обучения оклемался. Несколько привыкнув к ритму учёбы, он стал усиленно вести поиск достойного проведения своего досуга, в особенности в компании противоположного пола. Увы, к большому разочарованию Арифа, дела обстояли совсем не так, как в голливудских фильмах. Всяких там Ким Бессинджер и Синди Кроуфорд было не так много. Второе, Ариф через некоторое время понял, что он вообще-то чужак. Он был парнем из какой-то полувосточной страны, да ещё и мусульманином. В этой ситуации Ариф почувствовал себя в шкуре «чушек», как он называл в Баку выходцев из сельской местности... Типа, ала, городские девушки с ним, «чушкой» не водились...

Ариф частенько навещался в Брайтон – район Бруклина, населённый выходцами из бывшего Советского Союза. Попадая туда, он ощущал себя снова в «совке», в особенности, когда слышал в магазинах «молодой человек», «девушка» или даже «товарищ, заберите свою колбасу». В русских магазинах на Брайтоне можно было найти всё «советское» – московские карамели, шпроты, пирожки и даже «тушёнку». Русскоязычная Америка была самобытна. Здесь продавали чешский хрусталь – такой модный в Советском Союзе, шубы, диски советских исполнителей, билеты на концерты заезжих звёзд российской эстрады; рекламировали перевозки в страны СНГ, услуги по уходу за могилами оставшихся в Союзе родственников и прочее. Здесь же бывшие «совки» также мило кидали своих бывших соотечественников. Иногда могли продать билеты, а концерта могло и не быть. Притом деньги за билеты, как обычно, не возвращали. Юридические конторы брали деньги и морочили голову своим клиентам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.